

Кто привел Горбачева к власти?

Михаил Горбачев стоит в ряду ведущих персонажей отечественной истории. Его личность уже окружена мифами, будто бы речь идет не о живом человеке, а о стародавнем правителе. Впрочем, иногда приходится убеждаться, что и нынешний Горбачев уже не очень хорошо помнит, что конкретно делала на заре своей карьеры та историческая личность, которой был Михаил Сергеевич двадцать лет назад. А для мифотворцев правитель Горбачев — настоящая находка. Возможность порассуждать о мировом добре и зле, о слабом правителе и заговоре глобальной закулисы.

Во всяком случае для нас важно, каким образом новый «царь–освободитель», он же «разрушитель державы» прокрался на вершины власти.

Михаил Сергеевич Горбачев родился в 1931 г. в семье тракториста, сына председателя колхоза в ставропольском селе Привольное. Если один его дед был раскулачен, то другой стал активистом колхозного движения. Несмотря на арест в 1937 г., он не был осужден.

Горбачев навсегда останется крестьянином. Но крестьянином с «кулацким» психологическим наследством, с жадой выбиться в люди из нищеты и забитости, не смирившимся с бедностью. Если нельзя заработать, то можно выслужиться. Это — урок двух дедов.

Будущий генеральный секретарь с детства был приучен к труду. В тяжелые послевоенные годы Михаил работал с отцом в МТС во время каникул. В 1948 г. отец Михаила был выбран руководством для проведения рекорда, который мог символизировать важность продолжения трудовых традиций отцов их детьми (в это время молодежь стремилась вырваться из села в город). Организация рекордов была одной из важнейших опор агитационной работы партийных органов. Рекордсменов вне очереди обслуживали смежники, им без задержек поставляли горючее, заранее ремонтировалась техника. В результате выработка получалась гораздо выше средней, и рекорд становился аргументом для повышения производительности труда простых тружеников. Конечно, во время рекорда и самим его участникам приходилось попотеть. Но зато затем следовали награды, открывалась возможность начать карьеру, вырваться из крепостного состояния, в котором находилось крестьянство. За ударный труд М. Горбачев был награжден орденом Трудового красного знамени и в 1950 г. отправился учиться на юридический факультет Московского университета. Горбачев вспоминает: «приходит уведомление: «зачислен с предоставлением общежития», то есть принят по высшему разряду, даже без собеседования. Видимо, повлияло все: и «рабоче–крестьянское происхождение», и трудовой стаж, и то, что я уже был

кандидатом в члены партии, и, конечно, высокая правительственная награда»³⁴¹. В университете Горбачев преуспел на ниве комсомольской карьеры, войдя даже в университетский комитет ВЛКСМ.

В 1952 г. Горбачев вступил в партию. В 1953 г. он женился на Раисе Максимовне Титаренко, учившейся на философском факультете университета на курс старше. Раиса Максимовна будет всю жизнь оказывать большое воздействие на его политическую деятельность. Ее помощь и советы Горбачев очень ценил, даже тогда, когда они шли во вред его политике.

В 1955 г., по окончании Университета, плавное восхождение Горбачева по ступенькам иерархии нарушилось. Несмотря на успехи в учебе, Горбачеву не удалось задержаться в органах столичной юриспруденции.

Уже в 1956 г. Горбачев занимает пост первого секретаря Ставропольского горкома ВЛКСМ, затем следует карьера в крайкоме ВЛКСМ.

У Горбачева сложились хорошие отношения с первым секретарем Ставропольского горкома ВЛКСМ В. Мироненко. При Горбачеве он будет «командовать молодежью». Карьера Горбачева развивалась успешно. В 1961 г. он стал первым секретарем крайкома ВЛКСМ.

На этом посту жизнь столкнула молодого бюрократа с его будущим «ангелом хранителем» — первым секретарем крайкома партии Ф. Кулаковым. Первый секретарь крайкома ценил инициативных, и что немаловажно — покладистых чиновников. Горбачеву предложили сменить комсомольскую карьеру на партийную. В 1962 г. он становится парторгом колхозно-совхозного управления края. Судьба снова связала его с сельским хозяйством. Уже в декабре Горбачев был назначен завотделом партийных органов крайкома КПСС. В его руках оказалась кадровая работа Кулакова.

Кулаков после антихрущевского переворота был переведен в Москву, чтобы продолжить свой марш к вершинам власти. О Горбачеве он не забывал, постепенно продвигая своего человека по ступенькам карьерной лестницы. В августе 1968 г. Горбачев стал вторым секретарем обкома, а в апреле 1970 г. возглавил Ставропольский край. Назначение Горбачева было связано как с поддержкой Кулакова, так и с тем, что второго секретаря крайкома заметил Брежнев. Генеральному секретарю понравились инициативы Горбачева по орошению Ставрополья.

Казалось, Горбачев добился вершины своей карьеры, крестьянской мечты. Он — первое лицо. Над ним — далекое начальство. Но вскоре он почувствует — плох тот генерал, который не хочет стать маршалом.

В это время в стиле Горбачева чувствуется стремление «ухватиться» за самые разные сферы и темы. Еще с комсомольских времен для него были характерны всплески энтузиазма по тому или иному поводу, после чего следовало охлаждение к теме. И позднее на это непостоянство часто указывают в своих воспоминаниях сотрудники Горбачева³⁴². Но в разносторонности, инициативности, готовности к переменам был важнейший политический ресурс Горбачева.

Столкнувшись на своем посту с комплексными проблемами советского общества, в поисках их решения Горбачев стал проявлять интерес к «ревизионизму» — нетрадиционным социалистическим взглядам: "Как член ЦК КПСС, я имел доступ к книгам западных политиков, политологов, теоретиков, выпускавшимся московским издательством «Прогресс». По сей день стоят на полке в моей библиотеке двухтомник Л. Арагона «Параллельная история СССР», Р. Гароди «За французскую модель социализма», Дж. Боффы «История Советского Союза», вышедшие позже тома фундаментальной «Истории

³⁴¹ Горбачев М. Указ. соч. С.59

³⁴² См. например, Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С.292.

марксизма», книги о Тольятти, известные тетради Грамши и т.д. Их чтение давало возможность познакомиться с другими взглядами и на историю, и на современные процессы, происходящие в странах по обе стороны от линии идеологического раскола»³⁴³. Конечно, нельзя преувеличивать степень согласия Горбачева с «идеологическим противником». Но инакомыслие все же проникало в сознание советской правящей элиты разными путями – через тамиздат, песни бардов, беседы с «либеральными» сотрудниками, возвращавшимися в тех кругах интеллигенции, которые соприкасались с диссидентским и неформальным движением.

В начале 70-х гг. Горбачев впервые посетил Западную Европу — Италию. Горбачев вспоминает о своих впечатлениях: «Многое, о чем мы узнали, вызвало у меня неприятие. Например, сравнивая, я укрепился во мнении (и сейчас его придерживаюсь), что народное образование и медицинское обслуживание были организованы у нас на более справедливых принципах. И наша ставка на общественный транспорт казалась предпочтительней перед другими способами решения транспортной проблемы в городах. Но вот что касается функционирования гражданского общества, политической системы, то априорная вера в преимущества социалистической демократии перед буржуазной была поколеблена. И пожалуй, самое важное, вынесенное мной из поездок за рубеж, — вывод о том, что люди живут там в лучших условиях, более обеспечены. Почему мы живем хуже других развитых стран? Этот вопрос неотступно стоял передо мной»³⁴⁴.

Но, пожалуй, наиболее глубинным слоем политического сознания Горбачева была его психология сельскохозяйственного руководителя, привившаяся еще в семье. Сельскохозяйственному руководителю любого ранга от председателя колхоза до первого секретаря крайкома не нравилось, когда «верхи» вмешивались в дела его «вотчины». В своих выступлениях Горбачев, прикрываясь принципами экономической реформы 1965 г., выступает против «мелочной опеки» работы коллективов: «Постоянная, излишняя опека и подмена сродни суховею, который губит посевы»³⁴⁵.

От помещиков времен Российской империи сельскохозяйственная номенклатура СССР отличалась прежде всего своим индустриализмом, стремлением превратить аграрное производство в фабричное. Это, казалось, решит все трудности на селе. Горбачев был активным проповедником такого подхода: «Опыт показывает, что рационально осуществляемая специализация содействует увеличению выхода продукции на единицу земельной площади, росту производительности труда, снижению себестоимости, повышению рентабельности и товарности производства»³⁴⁶.

Усиление специализации на полях вело к монокультурности, разрушающей почву. Индустриализация уродовала землю, ухудшала ее качество. Выход бюрократия искала на путях экстенсивного расширения посевов за счет орошения. Орошение становится экономическим кредо Горбачева — оно упоминается почти во всех его выступлениях, посвященных сельскому хозяйству. Не удивительно, что Горбачев в начале 80-х гг. поддержит план «поворота рек».

Была еще одна «радикальная» мера, составлявшая мечту советских «помещиков», которая проявляется до 1978 г. лишь подспудно. Дело в том, что на земле территориальных «вотчин» находились многочисленные агропромышленные предприятия, не подчиненные местному руководству. Между тем именно эти предприятия производили конечную

³⁴³ Горбачев М. Указ. соч. С.145.

³⁴⁴ Там же. С.163, 169.

³⁴⁵ Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т.1. С.24, 97.

³⁴⁶ Там же. С.55.

продукцию — тот самый «дефицит», который давал в СССР дополнительную власть и влияние. Отсутствие прямого подчинения этих предприятий райкомам и сельскохозяйственным руководителям затрудняло получение находящегося «под рукой» «дефицита». Это обстоятельство усиливало противостояние между местным партийным руководством и промышленными ведомствами. «Помещикам» казалось, что предприятия смежников (прежде всего мясомолочной промышленности), почти не затрачивая усилий, получают баснословные прибыли, «наживаются» на труде крестьян. Среди сельскохозяйственных руководителей зрело требование подчинения им предприятий смежных отраслей. Это требование станет лейтмотивом аграрной программы Горбачева начиная с 1978 г. Ее выполнение означало усиление районной номенклатуры. Районные руководители, в свою очередь, «давили» на областное начальство, пропагандируя его в поддержку Горбачева. В итоге областные секретари, большинство которых традиционно было более тесно связано с сельской номенклатурой и противостояло министерствам, также симпатизировало курсу Горбачева и готово было поддержать его. Сам Горбачев был активен в установлении контактов с областными руководителями, что помогло ему впоследствии.

Горбачев вошел в историю как блестящий коммуникатор, подкупающий своим обаянием, вызывающий на откровенность и в то же время не позволяющий «схватить себя за язык». Автору этих строк довелось общаться с Горбачевым через два десятилетия после описываемых событий. Все присутствовавшие, с кем я потом говорил, признали, что Горбачев их «обаял». Лицо «Михал Сергеича» (только так его называли присутствующие) светилось персональной заинтересованностью в делах собеседника. Окончив разговор с одним из них, Горбачев повернулся, и мне случайно удалось перехватить его взгляд. Лицо еще сохраняло форму приветливости, но взгляд уже «переключился», точнее «отключился» — в нем уже не было поражавшего нас тепла, а остался лишь металлический блеск. Михаил Сергеевич обладал редким свойством — не только лицо, но и глаза его были маской, и кроме экстремальных ситуаций никакой собеседник не мог сказать, как на самом деле относится к нему Горбачев. Многие его соратники только на закате политической карьеры приходили к выводу, что они были ему не друзьями и соратниками, а инструментами. И сыпались обвинения в предательстве.

В таких случаях Горбачев тоже убежденно говорил о том, что его предали. Так бывает, когда люди не понимают друг друга, называя одними словами совершенно разные вещи. До поры они считают друг друга единомышленниками, а затем расходятся. Каждый в глазах другого предал «наши идеи».

Аппаратная жизнь приучила Горбачева формулировать свои взгляды осторожно, «округло», чтобы в случае чего никто не смог бы придраться к «острым углам». Горбачев прятал важные идеи за обилием слов. Сначала эта манера была эффективной, но в условиях революционного процесса 1988–1991 гг. вела к падению авторитета. Горбачев так и не смог перестроиться.

Критически настроенные соратники вымывались из круга общения Горбачева, и он продолжал оставаться среди «единомышленников», людей, находившихся под влиянием его личности. Но большинство граждан по мере развития страны в 1988–1991 гг. выпали из сферы действия личного обаяния Михаила Сергеевича. Обратная связь была утрачена. Страна становилась все менее управляемой, но люди вокруг Горбачева по-прежнему демонстрировали преданность.

Вероятно, ситуация в стране на грани 80–90-х гг. все больше удивляла Горбачева. Оппозиционеры, обличавшие его на митингах, при личных встречах расслаблялись под влиянием горбачевской «ауры». Они договаривались, не подозревая, что на самом деле вкладывают в неопределенные слова разный смысл. Горбачев видел вокруг себя только тех, кто относился к нему с пониманием. Но в стране таковых оставалось все меньше...